

The background of the image is a vibrant landscape. The top half is dominated by a clear blue sky filled with scattered, fluffy white clouds. Below the sky, a range of low, rolling green hills stretches across the horizon. In the foreground, there is a lush green field with several trees of varying sizes, including a large, dark green tree on the left and a few smaller, lighter green trees scattered across the field. The overall scene is bright and serene, suggesting a peaceful, natural setting.

АДИВИ

**О свойствах
ПОЭЗИИ**

Адиви

О свойствах поэзии.

Заметки на полях

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43934880
SelfPub; 2024*

Аннотация

«Заметки на полях» – заметки только в том смысле, что речь в книге идёт на приграничных полях чего-то очень огромного, живущего по особенным внутренним и более высоким чем земные законам. Речь – о поэзии. В книге собраны наиболее характерные комментарии и мысли из переписки автора с начинающими и с уже состоявшимися поэтами на страницах литературного интернет-журнала «Яблоко» и портале «Стихи.ру».

АДВИ

О свойствах поэзии.

Заметки на полях

ПРЕД-И-СЛОВИЕ

Создать предисловие к книге, пусть и знакомого, человека – работа небывалой скользкости. Надеваешь ответственность, как дождевик. Шлёпнешься, – брызги окатят и тебя, и читающих.

Книга, которая, читатель, перед тобой, – нелёгкая. Хочешь думать и понять, – трудись. Вчитывайся. Откладывай. Возвращайся. Отметить, что она – «необычная», значит вылить воду в воду. Все книги необычные. Не те, которые книги, а те, которые КНИГИ (парафраз, но пусть). Скажу о структуре. С виду-ходу и не распознать, а где ж привычная трёхмерность-то? Сам автор с собой разговаривает. Ан.. – вот она, живая звучность! Недоумение откатывает, – погоди, читатель, постой и прислушайся, – и слышишь беседу, но не видишь собеседников! Да и зачем они явные-видимые? Входи в ответ, улавливай голоса, выбирайся на поляны по отголоскам. Хитёр автор! И умён, и принципиален-разборчив! И суров к месту, и деликатен, но везде справедлив и честен.

Целая книга, даю слово! Несмотря на построение.

Книга-загадка. Много там поэтов. Захотел – назвал, что уж тут. А поэтов, – рождающихся, – по пальцам перечесть... Поскольку сама поэт, могу точно сказать, что критики – соразмерной и объективной – здесь всклень. Соразмерной: вникающей и понимающей; объективной: могущей высветить ценную породу словесного творчества.

А вообще, это скорее, не полотно-размышление (настоящая беда поэтов, ибо погрузись в рацию – и ищи-свисти Поэзию!..) Это вопросы на холсте. Вот как они есть сами. Вопросы к Поэту, к Творению, к Слову. Вопросы-вопросищи! Вопросование здесь. Стих сотворить – не на станке же. Графоманы тут не сбалансируют, не выкрутятся, а комар нос всё-таки подточит. Безжалостна поэтическая глубина. Тони, а выплывай со стихом.

О вопросах замечу: конечно, их и банальными можно назвать, и риторическими, и заданными. Да и всяко поумничать. Вопрос ведь как стрела: он летит и летит. И ты с ним, с этим движением... порою, в цель так крепко попадаешь, что сам вопрос растворяется, быть перестаёт. А тут Станислав Осадчий не устаёт спрашивать. Его вопросы – тяжёлый колчан! Бывает: видишь стих и сразу чувствуешь – эх, поэт! Как мороза хлебнёшь! А вот «определить», объяснить – не можешь. И правда – отчего? Почему эта – Поэт, а та – поэтесса?.. Почему иное хочется про-го-во-рить и фонетику ощутить; а от другого плюнуть. И какая цель у Поэзии, –

скажи-ка, читатель. Возмутись! Поэт же – Художник. Но и стрелок! Куда летит его стрела мысли? Что она связывает, какие мишени? И где-когда подлинно живёт душа?

Осадчий вскрыл нечто вечное, кратное осознанию стиха... Вот представь себе, читатель, дом. Ходов немислимо, лестниц, дверей, этажей. А в центре – камень неописанной красоты. Можешь с крыши, с чердака вниз поглядеть на него – в щель. Можешь с лестницы винтажной. Можешь выйти из дома и мерцание его в окне разглядеть. Можешь постоять рядом подавленным. Или знать – сквозь стену – что там он... Это я про книгу Станислава Осадчего. И про то, как он к Поэзии подходит. Исследует. Трепещет. Дышит ею. И безошибочно чувствует.

Предисловие, наверное.. – чтобы подготовиться к книге. Но как тут подготовишься? Читаешь отклик на произведение – и как бы видишь стих по ту сторону. Удачный и потуги. Сильный и претенциозный. Обнажённый и раздетый. Выписанный и выхваченный. Пережитый и выдуманный.

Предисловие, наверное.. – что-то подчеркнуть. Акценты. Достоинства. Или то, что автор укрыл-зарыл глубоко. Вот и подчеркну работу. Работу. Автор – читатель работающий, ныряющий в каждое прочтение, терпеливый рыбак! Вот он читает. Вот он думает-мыслит. Вот он уже пишет ответ самозабвенному поэту. Вот он ассоциативно, но и через кропотливые цитаты ведёт к свету того, кто при свечах писал. А вот он стоит на берегу Стихотворения!...

И ещё подчеркну устойчивость рассуждений. И их социальность. И выстраданную собственную философию.

Ну не подать же «свойства поэзии», препарированные и бездыханные.

С путеводителем Осадчего иди, читатель, слушай стихи.

Благодарю автора!

Олеся Козина, кандидат философских наук,
член Союза писателей России

***

Так иной раз случается, когда понимаешь, что в стихотворении для полной законченности чего-то не хватает. И эта незаконченность грызёт поэта изнутри. Всё как будто в стихотворении хорошо и правильно, но при всём этом не достаёт какой-то малости. Малости, но главной. Может и год, и два пройти, а то и больше, пока вдруг озарение не принесёт нечто такое, что сразу ляжет ладно и прочно. И думаешь обескуражено: как это – такое простое слово (фраза; мысль), находясь практически на поверхности, сразу не нашлось? Так, похоже, случилось и в Вашем случае, – благодаря озарению, стихотворение состоялось. Чего же в нём не доставало? Законченности мысли. Ведь именно на мысли удерживается и существует в состоянии единого целого всё стихотворение.

***

Я Вас, Евгений, хорошо понимаю, поскольку и сам порой удивляюсь, когда вдруг повезет наткнуться на нечто такое, что и сам ощущаешь, а выразить не можешь. Не потому не можешь, что словарный запас беден, а потому, что как только начинаешь это нечто преобразовывать в поэтическую речь, так сразу и исчезает глубина этого ощущения. "Мысль изречённая – есть ложь"? Что из этого следует? Из этого следует, что главная задача, стоящая перед поэтом, это сказать так, чтобы ему поверили. Безоговорочно и безусловно! Без включения длинных или же коротких логических цепочек. Логические цепочки уже сделали своё дело, раз привели к возникновению стихотворения. Чтобы состояться как единое целое, стихотворение в момент выплёскивания должно забыть свою родословную.

***

Боюсь, Даша, Вы не совсем поняли мою мысль. Копнуть глубоко можно всё что угодно, в том числе и сами чувства.

Ведь человек может просто идти на поводу любых, возникающих в нём чувств и ощущений. Но в таком случае человек напоминает бычка, которого ведет неизвестно куда неизвестно кто. И даже больше – не некто в единственном числе, а некие незримые. Потому что, если внимательно приглядеться, станет ясным, что возникающие чувства зачастую

вступают в конфликт друг с другом. И вот понять, что же за всем этим стоит, может только человек глубоко думающий.

То, что Вы пытаетесь отобразить, – это лежит на поверхности. А у чувств и ощущений есть корни, причем, бывает, довольно запутанные. И вот тот, кто сможет научиться непростому искусству их раскапывать, тот и может стать полноправным хозяином своей судьбы. Ну а тот, кто этому не научится, тому суждено всю свою жизнь безвыходно вращаться белкой в колесе. Не понимая, что даже при больших затратах энергии, реального движения человек не осуществляет.

А ведь человек огромен. Очень огромен. Страшно даже представить, насколько. Просто он об этом не догадывается. Потому что огромность заключена в самой возможности её осуществления. И только от конкретного человека зависит сама реализация такой возможности.

Вот, собственно, и всё. Как видите, Даша, всё просто.

***

Здравствуйте, Ольга! Судя по Вашим последним стихам, Вы находитесь на переломе. И вам кажется, что необходимо обязательно выбирать. А так ли нужно выбирать стан? Ведь

по большому счёту, человек и есть пространство. Либо большое, либо огромное, либо совсем малюсенькое – вроде точки. Во многом своими стихами человек-поэт и выстраивает собственное пространство. В случае, конечно же, если это настоящие (живые) стихи, а не переливание из пустого в порожнее. Посредством стихов происходит реальное, а не мнимое, движение и рост пространства личности. И с таким пониманием вопрос о выборе "здешнего" стана не имеет особой важности.

Говорите, выше своей головы не прыгнуть? Вот такими поговорками люди и научили себя ограничивать. Потому что в реальности человек способен повышать и брать планку до тех самых пор, пока не ограничит себя мыслью – "это невозможно".

А признание? В большинстве своём любые здешние признания эфемерны – достаточно внимательно взглянуть на историю литературы.

В общем, человек и сам по себе уже есть стан – при одном непременном условии, – если найдёт в себе силы и смелость дерзнуть в это поверить. По Вашим же стихам мне видится, что и силы такие, и смелость Вы в себе носите. Просто раскрепостите их. И, не сразу, конечно, через какое-то время Вы увидите изменения в себе. И не только в себе. Вблизи

Вас тоже все начнет потихоньку вдруг меняться.

***

А Вы, Варя, большой молодец! Прочел всё, что Вы тут представили. Огрехи есть, но это такие мелочи, от которых Вы сами самостоятельно быстро избавитесь. Потому что у Вас, без сомнения, есть поэтический слух и дерзкое желание донести нечто своё. Для становления поэта это главное.

Что до Ваших внутренних сомнений... Приоткрою Вам маленький секрет: они были присущи буквально и всем большим поэтам. Исключения есть, но они именно исключения.

Я тоже, как и Вы, не терплю искусственных мелодий. И уже этим Вы мне нравитесь. Поэзия – есть дух, а дух нельзя творить искусственно.

Всё у Вас получится! Только не торопите события.

***

Здравствуйте, Варя! (Вы позволите мне Вас так запросто называть?) Не сразу отвечаю Вам только потому, что не хо-

телось ограничиваться одной строкой. Собраться же с мыслями – не было достаточного для этого времени. Конечно же, я рад, что мне удалось сделать Вас немножко счастливой. Знаю сам, как важно в самом начале пути услышать мнение со стороны о своем творчестве. Мне в этом в свое время не повезло, поскольку моё становление происходило вдали от литературных кругов. А интернет, ясное дело, отсутствовал. Поэтому жёсткого литературного критика пришлось воспитывать в себе самом, о чём ничуть не жалею.

Более того, хочу подарить Вам мысль о том, что для внутреннего роста поэту просто необходимо создать в себе тонкого, умного, неутомимого и беспристрастного литературного критика. Жить с ним довольно непросто, но тем, кто хотел бы жить просто, профессионально поэзией лучше бы вовсе не заниматься. Профессионально – имею в виду, конечно же, не получение постоянной прибыли от поэтической деятельности. Это ведь не деятельность адвокатская, и даже не журналистская. Профессионализм на поэтической стезе – прежде всего привнесение в общепоэтическую копилку (или живое хранилище, если угодно) таких ценностей, которые увеличивают богатство культуры. Может быть, это сложно Вам сейчас понять, главное – чтобы сама эта мысль для размышления уже была у Вас с собой. Потому что многие мысли, двигающие творчество поэта, вынашиваются и зреют довольно долго. Бывает, и несколько лет, а то и не одно деся-

тилетие.

И ещё одной мыслью мне бы хотелось с Вами бескорыстно поделиться. Это некий творческий закон. Вы можете создавать свои произведения в больших или не очень больших количествах – это не важно, важно – удерживать себя от соблазна сразу же выносить их на публику. Почему? Потому что, расставшись со своим творением слишком рано, Вы, во-первых, как бы теряете над ним власть. И когда Вы понимаете, что оно ещё достаточно сыро, Вы практически ничего не можете в нем изменить. И, во-вторых: отпустив произведение, Вы тем самым закрываете в себе самой тему, которая Вас подспудно мучила и мотивировала к созданию стихотворения.

Более того, стихи, вышедшие слабыми, необходимо научиться время от времени уничтожать. А это тоже непросто. Непросто оттого, что поэту как и любому человеку просто жалко своих эмоций, принёсших в творчестве нулевой результат. По-человечески, конечно, жалко, но ещё больше по большому счёту должно быть жальче потому, что как бы закрытая слабым стихотворением в глубине Вашего сознания тема перекрывает мотивацию к рождению другого, более сильного произведения. Иначе говоря, уничтожение слабого – есть расширение поля для создания во всех отноше-

ниях более сильного. И оно непременно родится, если оставлять для него этот вакуум, алчно требующий заполнения.

***

Добрый день, Варя! Вы очень искренни, а это главнейшее условие в поэтическом творчестве. Для большинства людей, замечу, быть искренним очень страшно. Люди так много всего страшатся, начиная с того, что о них подумают что-то не то, не так и проч. А поэзия не терпит ни лжи, ни неискренности. Понятно, конечно, что неискренность в людях – есть защитная маска, своего рода камуфляж. В итоге за конкретным стихотворением мы не видим конкретного человека, его настоящую суть. Что же мы вместо него видим? Муляж? Да, именно так.

Итак, ещё одно свойство большой поэзии – искренность. Предельная искренность. Это, конечно, вовсе не означает, что поэт говорит всё, что ему вздумается, да ещё и открытым текстом. Сказать много, не называя вещи своими именами, – это и есть искусство поэзии. (При этом надо помнить, что слова не должны отрываться от своих значений, а это – большая проблема у современных стихотворцев. Как не называй такую игру смыслами, она от этого не перестаёт оставаться лишь игрой). Чем тоньше грань между жизнью и искусством, тем более возрастает ценность поэтического слова. И это, пожалуй, главное отличие Поэзии от лжепоэзии,

которая всегда пытается удержаться за счёт красот, за которыми кроме пустоты ничего нет.

По поводу того, что Вам уже ничего не хочется сочинять, поскольку, как Вы выразились, всё лучшее уже написано до Вас другими. Поверьте на слово, это состояние знакомо не только Вам. Что говорить, особенно поэты серебряного века так задрали вверх планку русской поэзии, что кажется сумасшествием даже пытаться сказать что-то новым поэтическим языком. Представьте, Варя, в своё время я думал совершенно так же, как и Вы. Хотя первое стихотворение произвёл на свет уже в восемь лет. И ещё много чего написалось со временем о том о сём. И это было просто увлечение. Но однажды случилось так, что тоска (назовём это так, хотя это не совсем точно), преследовавшая меня по пятам, загнала меня в такой зловещий угол, что я сумел выбраться из него только путем достаточно жёсткого внутреннего договора. И с той памятной для меня ночи жизнь моя разделилась на «до» и «после». Поэзия с этого переломного момента стала для меня первичной, все остальное – вторичным. Вторичным стала для меня даже публикация в периодических изданиях. Те же «творения», которые я успел опубликовать «до» вызывают у меня до сих пор чувство стыда. Но зато во мне закипела работа. Хотя я тогда даже не представлял ЧТО я должен сказать? И КАКИМ языком я должен начать говорить. Во

мне просто возникла (а правильнее будет сказать – определилась) глубоко внутренняя мотивация, которая разносившую меня изнутри энергию направила в одно определённое русло. Некоторые литературоведы называют это ещё сверхзадачей, считая что без неё творчество поэта не может сложиться в нечто цельное.

Бывает ли так со всеми? Бывает, наверное, по-разному. Но определённо никто из поэтов никогда не начинал сразу со своего языка, со своего поэтического голоса, которым он отличим от других поэтов. Приведу чужой пример. Анна Ахматова как-то рассказала Маргарите Алигер о своих детско-подростковых стихах: «Ужасные были стихи! Я их как-то перечитала и чуть не сгорела со стыда. Ни одной своей мысли, ни одной своей интонации, всё чужое и какое-то убогое. Решительно непонятно, как я выбралась из этого срама и всё-таки стала поэтом. Да покажи мне какое-нибудь дитя подобные стихи, я бы его заклинала и близко к поэзии не приближаться».

В истории мировой поэзии мне, по крайней мере, известен только один случай, когда становление поэта произошло практически мгновенно. Так, неизвестно из чего, вышел поэт Артюр Рембо. После 19-ти лет Рембо перестал писать вообще, покинул Францию и уехал в качестве торго-

вого представителя в одну из французских колоний. Где и скончался трагически. Однако всё, что он написал до 19 лет сделало его великим национальным поэтом Франции. Впрочем, как это порой бывает, при жизни его творчество соотечественниками не было ни только по заслугам оценено, но даже принято.

Итак, из языка общего поэт должен создать свой собственный язык. А на это может уйти и несколько лет. Всё это очень индивидуально. Могу только с уверенностью сказать, что русская поэзия, благодаря богатому русскому языку, таит в себе величайшие потенциальные возможности. В отличие, скажем, от английского языка, который, как считают специалисты, свои возможности давно уже исчерпал. Отсюда и тяготение европейских поэтов к верлибру.

***

Однажды на выставке Сальвадора Дали к нему подошел один из ценителей его творчества и стал подробно и долго раскрывать суть одной из картин художника. Внимательно выслушав его, Дали сказал всего одну фразу: А я, представьте, даже не представлял, создавая это полотно, что хотел этим выразить. Это я к слову. А вообще, если уж Вы обмолвились о вечности, то как раз с этих позиций взаимоотношения между художником (в широком смысле слова) и полот-

ном (тоже в широком понимании) бывают зачастую очень сложны и запутаны. Запутаны и сложны до такой крайней степени, что, по мнению некоторых философов, очень много потрудившихся на ниве изучения творчества, разбираться в этих отношениях творцам приходится ещё очень долго после... смерти. И знаменитое «рукописи не горят» – это есть не только радостное признание метафизического факта, но и грозное предостережение художникам – думай, что создаёшь.

Что же касается Вашего категоричного постулата. С чего Вы взяли, что «молодость должна жить будущим, а старость настоящим»? Каким же будущим должна жить молодость, по Вашему мнению? Если без лирических отступлений – в мечтах о посадке дерева, постройке дома и рождении и воспитании сына (условно)? В таком случае – это чисто земные мечты. И, наоборот, у «старости» Вы мимоходом отобрали её законное желание думать о будущем (том, которое открывается за порогом смерти). Ибо «думай о смерти» – это и есть главная дума (в идеале) любого мыслящего существа, вне зависимости от возраста, расположения в обществе, принадлежности к определённому мировоззрению и всего прочего.

Всё жёстко, говорите Вы? Да, действительно всё жёстко.

Но простой верой в вечность главную проблему не решить. Потому что само признание Вечности как таковой ничтошеньки человеку не даёт. А поэту – тем более. По той простой причине, что он не знает, что ему с этой обрушившейся на него напастью делать. Вот и много думавший Александр Александрович Блок сказал об этом просто и без затей: «Человек несчастен в силу своей бесконечности. Как ни старается он, а всё не может заключить эту бесконечность в конечном». Итак, как видите, всё гораздо сложнее и парадоксальнее, чем представляется большинству из нас.

И это только навскидку. А если Вы захотите двинуть свою мысль дальше по пути знания, то рискуете наткнуться на многообразие вечностей. Потому что, что же такое вечность – пространство, где время равно нулю или где время течёт одновременно в оба конца? В пространстве первой вечности нас ожидает полнейшее бездействие. Потому что никакое действие неспособно производиться вне времени. Представьте, даже музыка напрочь отсутствует в пространстве такой вечности. Потому что музыка – это движение, а движение не может происходить вне времени. Жутко? Да! Но закончить я позволю себе на более весёлой ноте: оба варианта вечности (как и много других, находящихся между этими полюсами) мирно сосуществуют в космическом пространстве, нисколько не мешая друг другу. И выбираем любую из

этих вечностей мы сами – либо по-настоящему живя в настоящем (то есть, стараясь писать жизнь набело, начисто), либо – когда пишем свою жизнь по черновикам, сжигая один неудавшийся лист за другим. Вот Вам и еще один парадокс – живя будущим, большая часть людей в реальности теряет своё будущее. Потому что реальное будущее складывается, как ни странно, именно в настоящем. И именно в настоящем по-настоящему (вышел невольный каламбур) люди жить не умеют. К несчастью.

***

Добрый день, Катерина! Задумался, с чего начать. После того, как прочел не одно Ваше стихотворение, сложилась некая связная картина. Ну, то что Вы поэт, – Вы и сами знаете. Не потому поэт, что научились красиво нанизывать слова на строки (этим нынче мало кого удивишь), а потому, прежде всего, что у Вас есть то, что я называю поэтическим мышлением. Оно либо есть – либо его нет. Это как с музыкальным слухом. Вы думаете как поэт, чувствуете как поэт. В этом смысле поэтом может быть и тот, кто за всю жизнь не написал на бумаге и одной поэтической строки. И это – то, чему не научат ни на одном поэтическом семинаре или литинституте. Это просто данность.

Ну и существует другая данность, прямо вытекающая из

первой. Поэты живут трудной внутренней жизнью. Даже те поэты, которые, как кажется многим со стороны, живут или жили нераздельно с природой. Это, скажем для примера, Афанасий Фет и Борис Пастернак. По признанию издателя Погодина, молодой Фет чрезвычайно тяжело переживал действительность своего времени. Сейчас такое состояние мы называем депрессивным. А Борис Леонидович, разговаривавший с природой на одном языке, терпеть не мог... дня своего рождения. Только его близкие знали об этом и усиленно оберегали его от докучливых поздравлений со стороны. Я вообще давно пришел к простой формуле – чем ближе и крепче в человеке связи с природой и мирозданием, тем сложнее ему переживать несуразность в мире людей. Впрочем, в мироздании всё тоже далеко не так просто. Однако истина даётся именно бесстрашным. Тем, кто смеет всматриваться в темноту и, всматриваясь, находить ответы.

Зачем я Вам всё это говорю? Потому что Вы сейчас пытаетесь найти опору. (Это следует из Ваших же стихов). Опору своей мысли. Так же, как её нашли, каждый в своё время, Афанасий Фет и Борис Пастернак. Да и не только они одни. Иначе можно себя пережечь, изжечь. И тогда уж – ни покоя, ни воли...

И поскольку Вы носите (может быть, даже лучше сказать «вынашиваете») в себе поэта, то Вас каким-то непостижимым образом выводит в высоту Ваша же поэтическая мысль: «Синдром печали – звёзды за плечами». Это – ключевая мысль. Но дальше – снова обрыв и обвал:

Холодными, бездомными ночами

Душа – сплошная чёрная дыра.

Да, душа действительно может в какое-то время стать и чёрной дырой. В которой, кажется, без всякого умысла, но и без всякого сожаления безвозвратно исчезнет всё, что туда нечаянно упадёт. Да, душа может превратиться так же в безжизненную пустыню, в которой ни травинки живой, ни ветра уже не отыщется. Одна только голая пустыня – от горизонта до горизонта. Когда даже мука смотреть на всё это горестными глазами перестаёт быть. Потому что ей даже быть негде. Но Вы ведь где-то в глубине души (на самом её потаённом дне) знаете или догадываетесь, что сама душа имеет странную особенность вырастать из ничего. Из пепла даже. И потом – расти до гигантских размеров, теряя всякие ощущения собственных берегов. Всё это в ней заложено. Изначально. Ибо в этом и заключён образ Бога в человеке. Наша

величайшая огромность – в свёрнутом, как программа, состоянии.

А что же стихи? Стихи поэта расширяют пространство его души. Далеко не все стихи. Даже не те, может быть, которые кажутся нам лучшими с нашей земной точки зрения. А те, в которых живая (именно живая!) мысль отражается в кристаллической решётке стихотворения. Есть какие-то вещи, когда законы физики и законы метафизики, обычно парадоксальные друг другу, пересекаются как бы один в один.

И напоследок. Чтобы было понятно, что с Вами разговаривает не кабинетный теоретик, а человек, чья душа проходит через такие же тёмные дыры, выжженные пустыни и, тем не менее, снова выходит на сверкающие чистотой огромнейшие пространства, я поделюсь с Вами своим стихотворением, которое передает состояние, в котором я в тот далекий уже для меня период времени, находился и жил. Впрочем, «жил» не совсем правильное слово, потому что отсутствие в чистом виде внутренней жизни – не есть жизнь.

Не взываю и не плачу

По покинутым страстям.

Принимаю жизнь, как сдачу:

Год за годом – по частям.

Оглянуться не пытаюсь,

Не оставя сожаленья,

Я встречаю осень мая

Сердцем – брошенным селеньем.

Ничего там не осталось –

Жутко, мёртво и убого.

Если б сил хотя бы малость –

Выпросил слезу у Бога.

Где найти такую муку,

Чтобы в сердце влить страданье?

Всё покрыто умираьем, –

Правит сердцем только скука.

Все пошли-ка вон отсюда!

Опошляйте быт свой – бредом:

Голову несут на блюде,

Чтобы вкусно – отобедать.

Боже мой, о чём я это?

Я сегодня пьян, как плотник.

Если ты рождён поэтом,

Отрекись от грубой плоти.

Хорошо сказал ты, мастер,

Только длинно и – ненужно.

Ты – один: умри от счастья,

Затянув петлю – потуже.

***

Странная это штука – ощущение вины за не свои проступки. Это в какой-то степени бремя. Одни люди (их не так много) живут, неся в себе это бремя, другие (таких большинство) – и за свои собственные поступки не способны отвечать. Есть еще меньшее число людей, которые несут на себе бремя ответственности (не удивляйтесь) даже за своих предшественников. Так чувствовал и думал, например, Александр Александрович Блок, сказавший однажды: "Я не сомневаюсь ни в чем личном благородстве, ни в чьей личной скорби; но ведь за прошлое – отвечаем мы? Мы – звенья единой цепи. Или на нас не лежат грехи отцов? – Если этого не чувствуют все, то это должны чувствовать "лучшие". Лучшие!

«Разжечь костер и согреть ладони», как Вы говорите, воз-

можно, если научить себя смотреть на происходящее с высоты. С высоты духовной, с высоты исторической (правильнее будет сказать – метаисторической). Именно такой взгляд дает правильную перспективу видения. Овладеть таким взглядом сразу не получится. Это труд. Тяжёлый и упорный труд мысли. Важно только доверять своим сокровенным ощущениям. А Ваши ощущения, Амина, Вас не обманывают.

***

Такого рода стихи невозможно оценивать как некое произведение. Это, скорее, вздох – тяжелый, пасмурный, но при этом присутствует в нём ничем не обозначенная, буквально на подкорке, надежда. Последние четыре строки практически поглощают всё стихотворение и вполне самостоятельны.

***

Читая, попытался понять, кто там по ту сторону чёрной шторы. Строгий ценитель «поэтических фраз», утомлённый жизнью, в меру циничный, поглядывающий на окружающих с полуулыбкой-полуусмешкой, игрок в жизнь? Или ушедшее в глухую оборону, тихо пульсирующее сердце – дабы не подставляться той среде, которой Александр Сергеевич присво-

ил название-печать «чернь»? Пока не определился. Но если верно второе, то ведь печоринская маска может незаметно так прикипеть к лицу, что и отодрать потом будет невозможно. Потому что долгая игра чужой роли – это ведь по существу перепрограммирование собственной сути. Так ведь зачастую бывает, что выходит из пункта А один человек, а прибывает в пункт Б совершенно другой. У Александра Александровича Блока есть такое замечательное прозрение, что все мы в детстве гораздо ближе к божественному плану, а взрослея, всё дальше от него удаляемся. Так неблагоприятно влияет на нас среда обитания, к которой мы всегда готовы приспособиться.

Что же касается Ваших стихов. Они действительно хорошо и добротнo сделаны. Но как-то уж, что ли, отутюжены. Им, может быть, не хватает спонтанности? Или крови. Я не «кровавых мальчиков в глазах» имею в виду. Я – о той роли, что «не читки требует с актёра, а полной гибели всерьёз». Думаю, Вы меня прекрасно поняли.

***

Ключевое слово в Вашем коротком произведении – "трудней". Скрытый акцент на преодоление, несомненно, всегда

действенной. Владимир Маяковский тоже сделал его ключевым в поэтическом ответе Сергею Есенину на его "До свиданья, друг мой, до свиданья!...", поставив задачей остановить внезапную волну самоубийств, вызванных силой поэтического воздействия последнее стихотворение поэта-современника. Обращаться с силой поэтического слова художник должен, конечно же, осторожно, ведь она – своего рода джин до поры до времени находящийся, как в закупоренной бутылке, в любом из нас. Этот джин не добр и не зол и готов выполнить любое наше желание. В том числе – и желание не до конца осознанное или просто скверно сформулированное.

***

При всей неброскости Вашего стихотворения в нем есть живая мысль, которая не заслоняется даже техническими изысками. Потому что любое стихотворение держится именно благодаря поэтической мысли. Нет её – нет и единого целого, как ни заполоняй его словесными украшениями. И чем проще мысль, тем гениальнее. Но людям, к сожалению, легче увидеть сложное. Так хорошо сказал об этой простоте Борис Пастернак: "Она всегда нужнее людям, но сложное понятней им". Истины всегда очень просты, просты до банальности, но передать их из рук в руки чрезвычайно сложно. При передаче мы зачастую получаем только фантик. Вот

где пустой фантик – там нет поэзии.

***

Знаете, у Бориса Леонидовича Пастернака тоже есть нечто похожее – "Я кончился, а ты жива..." Только заканчивается стихотворение несколько иначе:

И это не из удалства

Или из ярости бесцельной,

А чтоб в тоске найти слова

Тебе для песни колыбельной.

Зашёл в Ваши стихи, как в дремучий лес. Где и неба-то не видно. Сами стихи "сделаны" добротной и хорошо, но это вовсе не отменяет их лесной дремучести. В темноту этого леса можно так углубиться, что и не выйти вовсе. Важно понимать, стихи, особенно хорошо и сильно высказанные, несут в себе некое энергетическое поле. Сначала, в момент их создания, мы действительно освобождаемся от мучительного

груза внутри нас. Но это лишь на короткое время. А потом, наоборот, – рождённые нами стихи крепко, как в невидимых сетях, удерживают нас в вялотекущем депрессивном состоянии. И это состояние, в каком-то смысле, становится через какое-то время для нас комфортным. В чём и состоит их тайная опасность.

Попробуйте просто в момент, когда начинает идти стихотворение, волевым усилием закончить его не так, как оно само хотело бы быть (чисто автоматически) законченным – впустите в него луч света. Это совсем непросто. Это даже кажется практически невозможным. Но для человека возможно всё, пока он сам верит в то, что ему всё возможно. Человек всемогущ – только сам не догадывается об этом. И любой самый непроходимейший, как нам кажется, лес проходи'м.

***

Действительно, "Поэт поэту рознь", и с этим приходится считаться. И талантливый поэт может быть негодяем. Поэтический талант – это не индульгенция, во всяком случае.

***

Если отбросить в сторону формальности на тему поэтики,

и рассматривать (совсем не подходящее слово) – вслушаться в монолог, где одна душа не прямым текстом обращается к другой (другим), то можно получить состояние, наиболее подходящее слово которому – оторопь. А если цель достигнута, то речь о формальностях и неуместна, и несостоятельна. Потому что ясность мысли и понимание собственного пути по самому большому счёту перекрывают всё остальное!

***

"Я слушаю.. но я не слышу моря
твоей души".

Именно такие тихие слова производят во мне некое подобие взрыва. Так звучит Поэзия с большой буквы. Весь этот цикл хорош, но это стихотворение захотелось тут же выучить наизусть. Оно несёт в себе нечто парадоксальное: зримо до дрожи показывает съёжившийся в себе самый мир, но при этом само стихотворение дарит непонятно каким образом обратное ощущение. Ощущение натянутой до предела тетивы лука. Напряжение достигается такой силы, что вот-вот и... стрела будет выпущена. И произойдёт обратное – съёжившийся уже практически до нуля мир начнёт тут же разворачиваться и на глазах вырастать. Не странно ли?

Позволю себе роскошь ещё раз вслух прочесть этот маленький шедевр поэтического искусства:

Я слушаю.. но я не слышу моря

твоей души.

И птиц не видно в небе беспробудном.

И берег пуст.

Песок спокоен.. никогда он не был

мечтою сыт.

Ни доброты, ни праведного гнева..

Как мелко всё.

Мне кажется, – ушёл в недоуменьи

сам сатана..

***

Никак не могу решить, с чего начать. Багаж у Вас, не побоюсь этого слова, огромен. Одни только «Стихари» чего стоят! А я ещё не добрался до Агасфера и других Ваших слитков. И, наверное, не скоро доберусь. Во-первых, потому, что Ваши стихи (а это, бесспорно, стихи, а не их искусная имитация) обладают достаточно плотным телом. И созерцать их или просто выслушивать – не получится. Мысль движется в них так же, как передвигается тело, попадая в чрезмерно плотную среду. Так обычно и бывает, когда впервые знакомишься с неизвестной тебе языковой поэтической системой. Сначала изучаешь её, затем приноравливаешься, а уж после – обвыкаешься. А потому по-настоящему сильное эстетическое наслаждение приходит только на третьей стадии, что, впрочем, не мешает и на первой оценить их первородство. Не буду говорить за все стихи сразу, но в таком объёмном цикле, как «Стихари», нет ничего вторичного. Они свежи в равной степени как по форме, так и по содержанию.

Что ещё сказать? Выскажу, пожалуй, выношенную далеко не вчера мысль о том, что философ может и не быть поэтом, но поэт просто обязан быть философом. Поскольку без собственного мировоззрения поэт невозможен. Даже с оговор-

кой, принимая во внимание классификацию Марины Ивановны, в которой она разделяет поэтов с историей и поэтов без истории. Но даже поэты «без истории» (я называю их созерцающими), если они настоящие поэты, а не рядовые рисовальщики с натуры, носят в себе, хоть и застывшую, но, тем не менее, свою, пусть и простейшую философскую картину мира.

Тем более приятно (потому что – неожиданно) встретить-ся лицом к лицу с полновесным и радостным поэтом, который ещё и является профессиональным философом. Делаю акцент на сочетании слов «радостный поэт». И вот почему. Потому что мужская поэзия поэтов-философов меня откровенно не радует. Совсем не по нутру мне этот многозначительный надменно-печальный взор из-под бровей и поверх голов, который не скрываясь читается и в строках и между строк: все проходит, и это пройдёт. Пожалуй, общим эпиграфом для этой унылой философско-мужской поэзии я бы поставил то ли сожаление, то крик отчаяния одного из их плеяды: «Господи! Зачем я хотел знать так много? Теперь я не умру счастливым».

Конечно, идущему трудной дорогой Мысли, непременно открываются не только огромнейшие просторы, которые по-

трясают взор, но и истины, которые тяжелы (а для многих на этом этапе и неподъёмны) для восприятия. Они сгибают иного мыслящего в дугу. И здесь нужно иметь бесстрашие. Не бесшабашное бесстрашие человека, который деловито устанавливает табурет под крюком с верёвкой, а то бесстрашие, которое дается пониманием правильности вышестоящих законов общей Системы, до которой многим, скажем так, подсистемам, входящим в Неё, ещё расти и расти. Так ведь на что же ещё и тратить вечность!

***

А вообще Вы, Олеся, сплошной парадокс. Даже мое парадоксальное мышление, вполне свободно переводящее логические построения в образный ряд и наоборот, удивленно созерцает, потупив голову, как можно быть беспристрастным и любопытным исследователем и одновременно носить в себе категорический императив: "не нравится", "ненавижу", "терпеть не могу". Для мужского мышления в принципе невозможно получить правильный результат, используя категорические табу вроде "нравится – не нравится" или "люблю – ненавижу". Загадочное женское мышление – это мышление прямого действия, скажем так. Которое способно выдавать правильный результат, минуя длинные логические цепочки. И это для меня до сих пор удивительно.

Что же касается приятия или неприятия конкретным поэтом глагольных рифм. Это неприятие можно распространить и на так называемые банальные рифмы или даже слишком уж приблизительные. Такие проблемы сам я отношу к детским. И вот почему. Каждый поэт, кроме всего прочего, отличается от другого постановкой перед собой некой сверхзадачи. Для кого-то сверхзадачей может быть, скажем, всего лишь гармоническая передача чувств и переживаний, для другого – какой-то еле уловимой внутренней музыки, которая неотступно следует за поэтом, в третьем же случае сама поэзия может быть одновременно и инструментом и полем для исследования (и здесь возможны разветвления – исследования самого себя, среды обитания или законов мироздания) и еще много чего. В первую очередь личная сверхзадача зависит от роста личности поэта.

Скажу так: чем выше рост личности поэта, и соответственно личная сверхзадача, тем проще относится он к вопросам рифмообразования. Поскольку строительный материал, который он использует, уже другого сплава. Яркий тому пример – простейшие рифмы в поэзии Александра Блока или банальные музыкальные мотивы в поэзии Константина Бальмонта.

Обратите внимание, лучшие образцы русской поэзии написаны простейшим языком с употреблением банальнейших рифм. Великие вещи в искусстве достигаются, как ни странно, довольно скудными средствами. Вплоть до того тайного, изводящего поэтов желания, которое первым озвучил Федор Тютчев, а за ним часто повторяли другие: "О, если б без слова сказаться душой было можно!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.